

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 378 (091)

Феребов А.Н.

Московский государственный областной университет

ФОРМИРОВАНИЕ СОСЛОВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

A. Ferebov

Moscow State Regional University

MOSCOW UNIVERSITY STUDENTS' CLASS IDENTITY FORMATION IN EARLY 19th CENTURY

Аннотация. В предлагаемой статье охарактеризовано стремление государственной власти привить студентам социально-психологические качества личности, свойственные представителям дворянского сословия. Главной целевой аудиторией такого воздействия были студенты недворянского происхождения. При этом была очевидна невозможность полной замены у них черт сословной идентичности. Поэтому перед университетом была поставлена задача воздействовать только на формирование у учащихся дворянских поведенческих навыков. Столичное расположение университета повышало требования к отточенности манер человека. Потому такая «светская тренировка» была полезна и для студентов-дворян из материально не обеспеченных, особенно провинциальных, семей. Студенты разного социального происхождения осознавали необходимость овладения навыками дворянского поведения и стремились перенимать их.

Ключевые слова: Московский университет, сословная идентичность, сословное происхождение студентов, дворянство, светское общество, податное сословие.

Abstract. The article reveals the Russian government's aspiration to inculcate in students social and psychological features peculiar to Russian nobility. The target audience of such influence was mainly students of common origin. As it became obvious that full replacement of the traits of class identity was impossible, therefore University was set a task to merely foster noble manners in lower class students. The fact that University was located in the capital raised the requirements for perfect manners. Thus, such «high society training» was also useful for students-noblemen from poor, especially provincial families. Students of different social origin realized the necessity of mastering skills of noble behavior and aspired to acquire them.

Key words: Moscow University, class identity, students' social origin, nobility, society, obligated class.

До сих пор изучение социализирующего воздействия Московского университета первой половины XIX в. исследователи вели в области научной и профессиональной подготовки,

© Феребов А.Н., 2011.

формирования социально-политических взглядов студентов. Проблема особенностей сословной идентичности лиц, принадлежавших к университету, была затронута только в отношении профессоров первой четверти XIX в. [1, 77-78; 15, 84-92].

Касательно социального положения выпускников университета авторы ограничивались указанием на предоставленное им по уставам 1804 и 1835 гг. право на получение классного чина при вступлении в службу. В результате этого они «уже лишались исходных сословных различий» [13, 26]. Однако, например, приобретение указанного права на чин приводило к изменению сословной принадлежности студентов недворянского происхождения, составлявших в рассматриваемый период от 30 до 68 % учащихся Московского университета. Вопрос о подготовке студентов к предстоящей им роли представителей определенного социального слоя России остается открытым.

При этом речь может идти только о подготовке студентов к вхождению в дворянскую среду. Как известно, университетский аттестат до 1832 г. давал права личного дворянства, а после 1832 г. – личного почетного гражданства. Однако у выпускников низкого сословного происхождения оставалась возможность получить личное дворянство вскоре после окончания университета до середины XIX в. Согласно манифесту 1845 г. «О порядке приобретения дворянства службою» на это имели право лица, получившие 14 класс в военной службе [4, 158]. Ряд же законов – 1806, 1807, 1829 и 1835 гг., даровал всем выпускникам университетов право на ускоренное, обычно через 6 месяцев, приобретение первого офицерского чина в военной службе по вступлении в нее [18, 391-392, 408, 411-412; 19, 265, 762].

Нацеленность на приобщение студентов к нормам дворянской культуры была предопределена и тем, что обучение в университете было завершающим этапом в воспитании многих молодых потомственных дворян. Вряд ли родители поместили бы для этого своих детей в заведение, целенаправленно

готовившее учащихся к тому, чтобы соответствовать, например, купеческому окружению. Напротив, по словам Ф.И. Буслаева, «...купцы, по крайней мере у нас в Москве, смотрели тогда на университет недоверчиво и косо и даже боялись его для своих сыновей, чтобы они в студентах не “обофицерились”» [2, 100]. Дворяне, опасаясь влияния «неприличного общества» на своих детей, неоднократно изъявляли желание, чтобы разночинцам был закрыт доступ в университеты [17, 66; 25, 74]. Потому о целенаправленном формировании какой-либо иной, кроме дворянской, сословной идентичности речи в первой половине XIX в. быть не могло.

Целью данной статьи является выявление в организации образовательного процесса Московского университета первой половины XIX в. способов целенаправленного формирования у студентов сословно-идентифицирующих черт, характерных для представителей дворянства, и выяснение успешности такого воздействия.

Следует заметить, что применительно к изучаемому периоду перед университетом не могла быть поставлена задача полной замены всех черт социальной идентичности выходца из низших сословий на дворянские. Распространенные в то время в России педагогические воззрения указывали, что социально-психологические качества человека формируются в детстве [12, 308, 337]. Университет же занимал последнюю по времени прохождения юношами ступень системы народного просвещения. Следовательно, в университеты должны были поступать молодые люди со сформированными психологическими качествами личности, обладавшие опытом жизни на определенном уровне иерархизированного общества. Потому задачей университетов было, прежде всего, формирование в дворянском духе внешних форм проявления личности, т. е. поведенческих навыков студентов. Такая «светская тренировка» была необходима и для студентов-дворян из материально недостаточных семей, где им не могли дать должного воспитания. Ведь нахождение университета в столичном

городе, безусловно, повышало требования к отточенности манер человека.

Исходя из вышеизложенного, при выполнении поставленной цели представляется продуктивным использование семиотического подхода к исследованию бытового поведения, широко известного благодаря работам Ю.М. Лотмана [6]. Нормы дворянского воспитания подробно описаны в исследованиях О.С. Муравьевой, В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой [8; 14].

Первым внешним признаком социальной принадлежности человека первой половины XIX в., заметным постороннему наблюдателю, была одежда. Еще при Павле I для студентов Московского университета была определена форма, цветовой окрас которой последующие императоры изменяли. В первой четверти XIX в. университетское начальство слабо следило за ее ношением студентами. В правление Николая I на это стали обращать пристальное внимание.

С правлением Николая I связано и четкое формулирование в узаконениях причин и целей установления формы для студентов. Во-первых, она облегчала надзор за их дисциплиной. Во-вторых, она символизировала уготованное студентам положение государственных служащих [21, 589-590]. Особенная роль при этом с 1837 г. была придана шпаге, благодаря которой, по мнению министра народного просвещения, студенты, «резко отличаясь тогда от воспитанников средних учебных заведений», почитали бы себя «как бы в службе», в ней «как бы соединяется понятие о сохранении чести носимого мундира» [20, 1246-1247]. При этом понятие о «чести мундира» неоднократно доводилось до студентов в середине 1830-х – 1850-е гг. через их инспектора. Так, проект правил для студентов Московского университета 1854 г. гласил: «Сохраняя честь носимого мундира, Студенты должны всегда и везде служить образцом благородства и вежливости, строго соблюдать правила порядка...»¹.

Надо отметить, что предписания о подоб-

¹ Центральный исторический архив Москвы (далее: ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 271. Д. 34. Л. 3-4; Оп. 251. Д. 1.

ном отношении к форме находило положительный отклик в студенческой среде середины 1830-х – 1840-х гг. [2, 14; 5, 342; 7, 233; 9, 152; 23, 71]. На фоне изобилия свидетельств об «отсутствии формы» в более ранний период этот факт показывает успешность правительственной политики в данном вопросе [7, 88, 93; 9, 151]. При чем перемена в отношении к мундиру произошла среди студентов как из дворян, так и из других свободных от податей сословий.

Что касается студентов податного происхождения, то в условиях сословного устройства российского общества идея «чести носимого мундира» должна была быть для них неразрывно связана с повышением своего социального положения. «Офицерская шпага», как заметил А.М. Феофанов, «являлась символом личного достоинства» и, врученная недворянам при производстве в студенты, как бы уравнивала их «в правах с благородным сословием» [24, 160]. На такое значение шпаги внимание министерства народного просвещения было обращено в 1810-х гг. Циркулярами 1811 и 1814 гг. выходцам из податных сословий было запрещено носить шпаги, как «право, принадлежащее только свободным состояниям». В связи с этим С.В. Рождественский отметил, что «лишение права носить шпагу имело для учащихся из податных состояний известное моральное значение, ставя их в более низкое положение сравнительно со студентами дворянами, как полноправными гражданами университета» [16, 19-21]. Тем самым социализирующее значение столь яркого по сословному содержанию элемента одежды, как шпага, для студентов низкого происхождения было исключено. Однако свидетельства более позднего времени показывают, что, по мнению государственной власти, сословно-идентифицирующие черты у студентов должна была образовывать не столько шпага, сколько мундир в целом и манера его ношения. В 1849 г. Николай I, отчитывая попечителя Московского университета за случаи нерадения студентов в ношении формы, заметил: «Я бы желал, чтоб эти молодые

люди уважали мундир... этот мундир, который **уравнивает** богатых и бедных, **знатных и незнатных**. Я бы желал, чтобы... им было внушаемо, что **они готовятся вступить** в службу, **в свет, в общество и что в обществе, с этой наружностью, они будут играть самую жалкую роль**» [3, 250] (выделено мной – А.Ф.). Таким образом, император подчеркивал, что соблюдение правил ношения формы ведет к соответствию требованиям predetermined для выпускников университета ближайшего общественного, точнее, дворянского окружения.

Внешним отражением социальной принадлежности человека первой половины XIX в. были и его манеры, характер телодвижений. Выработка способности управлять своим телом была важнейшим элементом воспитания дворян, характеризовавшим цельность их натуры, в том числе владение своим внутренним миром. Лучшим средством для выполнения этой задачи были уроки танцев.

Университетское законодательство начала XIX в. не оговаривало целенаправленного внимания к данной стороне воспитания студентов. Однако в штатах Московского университета всегда была предусмотрена должность танцмейстера [18, 148-149, 265; 19, 745]. Предписания более четкого характера появились позже в связи с усилением внимания к поведению студентов. «Инструкция директору Казанского университета» 1820 г. определяла, что нравственному воспитанию студентов, в числе прочего, надлежит «объявить и возделывать» их «наружное обращение» [18, 1203]. Более развернуто эта задача была описана в «Инструкции Инспектору студентов Императорского Московского Университета» 1834 г. Инспектор был обязан «замечать учащимся всякую странность и неприличие в приемах, походке и телодвижениях» и требовать, чтобы все, «для коих он сочтет сие нужным, являлись в танцевальный класс», где бы им «показываемо было, каким образом должно входить, кланяться и держать себя в обществе благовоспитанных людей» [20, 831].

Говоря о реализации данных положений, следует отметить редкость упоминаний быв-

шими студентами о занятиях танцами в университете. Такие сведения известны только для начала XIX в. [7, 56, 64, 76; 22, 45-46]. Более поздних свидетельств учащихся нет, хотя отчеты Московского университета 1840-х гг. показывают, что должность учителя танцев была занята [10, 3; 11, 3].

При этом студенты второй четверти XIX в. вполне осознавали необходимость владения «благопристойными манерами». Для студентов недворянского происхождения это было связано, в том числе, с частным преподаванием уроков детям благородных семей. К примеру, Ф.И. Буслаев, сразу после выпуска ставший учителем сына гофмаршала барона Л.К. Боде, вспоминал: «перенесенный так внезапно... из разнокалиберного товарищества казеннокоштных номеров в аристократическую семью, живо почувствовал я угловатую неуклюжесть своих бурлацких манер, которые на каждом шагу могли бы нарушать условные правила светских приличий и благовоспитанности... Самолюбие не позволяло мне резко отличаться доморощенными привычками в этой новой среде...» [2, 139-140]. Стоит отметить, что он, благодаря семейному знакомству с другой родовитой дворянской фамилией, еще в бытность студентом получал в приятельской атмосфере «уроки, как вести себя в обществе прилично, по-светски, с соблюдением собственного достоинства» [2, 43-44]. Как видно, результаты этих уроков оказались недостаточными для полной «огранки» манер несветского человека. Но они вполне могли обеспечить более органичное вхождение студентов недворянского происхождения, а также не получившим должного воспитания студентам-дворянам, в новую для себя среду, дать представление о требуемых в ней формах поведения. Это позволяло им почувствовать себя если не «своими среди своих», то «соответствующими» данному социальному кругу.

Немалую роль для существования в дворянском обществе первой половины XIX в. играло и владение французским языком, бывшем в нем разговорным. По уставам в Московском университете были положены должности лекторов новейших европейских

языков: французского, немецкого, английского, итальянского. Казалось бы, это должно было обеспечить студентам благоприятные условия для овладения иностранными языками. Однако, по мнению студентов, например, 1820-х гг., «ординарные лекции иностранных литератур были доступны студентам изучившим эти языки дома с своими гувернерами..., а не для гимназистов, которые с большими ошибками могли делать перевод с этих языков на русский» [9, 144]. К 1840-м гг. ситуация не изменилась. Методические проблемы преподавания иностранных языков в это время были отмечены П.Д. Шестаковым: «лектора, играя роль профессоров, читают историю литературы на французском или немецком язык», тогда как, «имея в виду небогатые знания новых языков, выносимые учениками из гимназии, лектор должен, не мудрствуя лукаво, продолжать дело гимназического учителя, т.е. укреплять студентов в знании языка, путем переводов с этого языка на русский» [27, 660].

Делопроизводственные документы Московского университета уточняют характер интереса студентов к изучению европейских языков. Следует отметить, что к 1840-м гг. в Московском университете установилась балльная система определения знаний студентов. На основе среднего балла, высчитываемого особым способом из полугодовых и годовых отметок по особому набору предметов для каждого факультета, студентов могли перевести на вышестоящий курс или оставить на второй год. По той же системе определяли присуждаемую выпускнику степень, от которой зависели приобретаемые им права при вступлении в государственную службу. Однако баллы за новейшие иностранные языки при этих вычислениях не учитывались. Летом 1848 г. декан 1-го Отделения философского факультета С.П. Шевырев подал в Совет донесение, в котором отметил, что такое положение привело к низкой заинтересованности студентов в изучении английского и итальянского языков¹. По свидетельству

¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1250. Л. 1-4 об., 9-12.

А.Н. Афанасьева, окончившего университет как раз в 1848 г., можно уточнить, что эта незаинтересованность, в отношении, правда, немецкого языка, проявлялась в непосещении соответствующих занятий [7, 262]. Предложение С.П. Шевырева о включении отметок по иностранным языкам в расчеты переводных и выпускных баллов не было поддержано. Анализируя данную ситуацию, следует отметить отсутствие упоминаний о пренебрежении студентами занятиями французским языком, который на рубеже 1840-х – 1850-х гг. преподавали два лектора [26, 565]. Это обстоятельство показывает повышенное внимание студентов к овладению французским языком. Причем речь вряд ли может идти о студентах из знатных дворянских фамилий, для которых французская речь была родной с детства. Означенный интерес следует связывать со студентами недворянского происхождения и студентами из малообеспеченных, особенно провинциальных, дворянских семей.

Таким образом, организация передачи студентам Московского университета первой половины XIX в. сословно-идентифицирующих черт поведения, соответствовавших предстоящей им роли представителей дворянского общества, была составной частью процесса их социализации. Его составными элементами были привитие студентам принятых в дворянской среде норм внешнего вида, навыков светского обращения и овладение языком общения. Восприятие студентами недворянского происхождения и детьми малообеспеченных дворян означенных способностей было затруднено разными обстоятельствами, однако они стремились к их приобретению, сознавая необходимости этого для настоящей и дальнейшей жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с., ил.
2. Бусяев Ф.И. Мои воспоминания. М.: Фон-Бооль, 1897. VIII, 387 с., ил.
3. Голохвастов Д. К Истории Московского Универ-

- ситета. Дмитрий Павлович Голохвастов // Русский Архив. 1887. Кн. 2. С. 245-251.
4. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи XVIII – начало XX век. М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
 5. Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский архив. 1887. Кн. 1. С. 321-349.
 6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб.: «Искусство-СПБ», 2008. 413 с., ил.
 7. Московский университет в воспоминаниях современников. (1755-1917) / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. 735 с.
 8. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М.: LINKA – PRESS, 1995. 271 с.
 9. Назимов М.Л. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год. Из воспоминаний старожилы // Русский Вестник. 1876. № 7. С. 74-161.
 10. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1840-41 академический и 1841 гражданский годы. [М., 1842].
 11. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1847-1848 академический и 1848 гражданский годы. [М., 1849].
 12. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Т. 1. XVIII в. – первая половина XIX в. / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. М.: Педагогика, 1973. 605 с.
 13. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 2. Студенчество. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 464 с.
 14. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Университетский Благородный пансион. 1779-1830 гг. М.: Новый хронограф, 2006. 432 с., ил.
 15. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Человек Александровской эпохи: Взгляд с Моховой // Университет для России. Т. 2. / Под ред. В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой. М.: ООО «Торгово-издательский дом Русское слово – РС», 2001. С. 9-150.
 16. Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах в первой четверти XIX века. СПб.: Сенатск. тип., 1907. 28 с.
 17. Рябикова Т. Б. Численный и сословный состав студентов Московского университета // Вестник Московского университета. Серия история. 1974. № 5. С. 57-67.
 18. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование Императора Александра I. 1802-1825. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1864. 1722 стб. 46 с. разд. паг.
 19. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование Императора Николая I. Отд. 1. 1825-1839. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1864. IV с. 1224 стб., 64 с. 42 стб. разд. паг.
 20. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование Императора Николая I. Отд. 1. 1825-1839. Изд. 2-ое. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. 1576 стб. 69 с. 54 стб. разд. паг.
 21. Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. Т. 1. 1802-1834. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1866. 988 стб. 43 с. разд. паг.
 22. Снегирев И.М. Воспоминания // Русский архив. 1905. Кн. 2. С.10-56.
 23. Толстой М.В. Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 42-131.
 24. Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. 253 с., ил.
 25. Шевченко М.М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 268, [2] с.: портр., факс.
 26. Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755-1855. Репринтное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 600 с.
 27. Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х годах // Русская старина. 1887. № 9. С. 641-662.